

ЗНАКИ СУДЬБЫ

Наталья Калинина

Распахни
Врата
полночи

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

«Испанский» цикл

Наталья Калинина

Распахни врата полуночи

«Калинина Наталья»

2020

Калинина Н. Д.

Распахни врата полуночи / Н. Д. Калинина — «Калинина Наталья», 2020 — («Испанский» цикл)

ISBN 978-5-699-45162-3

Жизнь Анны была обычной и даже пресной вплоть до недавнего времени. Однако теперь все меняется. Девушке приходят анонимные письма с угрозами, а еще ей снова снится кошмар, в котором она идет по заброшенной фабрике, в каждом уголке которой притаилась опасность. Этот сон всегда предвещал неприятности. Но сейчас все сделалось еще страшнее: люди и предметы из снов Анны вдруг стали появляться в реальной жизни. Готова ли она встретиться со своим кошмаром лицом к лицу?..

ISBN 978-5-699-45162-3

© Калинина Н. Д., 2020

© Калинина Наталья, 2020

Содержание

Пролог	6
I	9
II	21
III	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Наталья Калинина

Распахни врата полуночи

С любовью – моим родным и близким.

*Особо хочу поблагодарить:
мужа – за терпение, помощь и поддержку,
Екатерину – за ценные советы и ювелирную работу,
Арутюнову Ницу и Анисимову Ольгу – за переводы и некоторые
идеи,
Серхио Мората – за музыку и тексты.*

В произведении использованы тексты песен группы «Sergio Morata»

Пролог

«Уходи! Уходи, пока не поздно!» – осторожность не просто кричала, она уже билась в истерику, но я ее не слушала. «Его здесь нет! Нет!» – лгала она, пытаясь меня образумить. А я, стиснув зубы, торопливо шарила расцарапанными руками по шершавой кирпичной стене в поисках выбоин, пробовала на прочность выступающие камни. «Ты отсюда не вернешься!» Я лишь отмахнулась от предупреждений и, обнаружив подходящую выемку, решительно вложила в нее пальцы. «Это безумие, безумие...» – причитала осторожность, не одобряя моих действий. Как послушное дитя, я всегда ходила с ней за руку, лишь однажды ослушалась и выскочила замуж слишком быстро. Но тогда мной двигала «большая неземная любовь»...

Как, впрочем, и сейчас.

Я могла бы тридцать раз, трусливо поджав хвост, дать деру от этой мертвой фабрики с испещренным трещинами-морщинами фасадом, днем отрешенно взирающей пустыми глазницами на снующие по дороге машины, а ночью, подобно неупокоенной душе, погружающейся в призрачное существование. Но чувство, которое двигало мной, оказалось сильнее инстинкта самосохранения и давней фобии. Это оно заставляло забыть об осторожности, это оно впрыскивало в кровь адреналин и, подобно анальгетику, снимающему боль, притупляло ужас. Это оно придавало ловкости и силы моим нетренированным рукам и ногам. И даже обостряло зрение, иначе как объяснить то, что в почти идеальной темноте я могла разглядеть не только смутные очертания фабричного здания, но даже узор каменной кладки? «Ночью все кошки серы», – гласит пословица, а я готова была поклясться, что в этой чернильной темени вижу цвета и оттенки: парапет казался мне вишневым, а стена – красно-коричневой.

Уцепившись пальцами другой руки за следующую выбоину в стене, я поставила ногу на парапет и, чуть подтянувшись, выпрямилась. Теперь я находилась в полуметре от земли, и пустая глазница окна оказалась напротив моей груди. Счастье, что окна фабрики расположены низко. Я навалилась грудью на кирпичный подоконник и после некоторых усилий смогла оседлать его. Уверенно перекинула вторую ногу, но на этом решимость дала трещину. Одно дело – находиться по *ту* сторону фабричного здания, на улице, и другое – уже свесить ноги в его нутро. Что меня ждет *там*?

Давняя фобия, культивируемая ночными кошмарами, вернулась. На грудь будто навалилась тяжесть, спина и подмышки неприятно взмокли. Дышать стало так трудно, словно воздух разом сгустился до состояния киселя. Еще мгновение – и я бы послушалась приподнявшей голову осторожности и повернула назад, но тут как будто увидела скрючившуюся на полу фигуру, и сердце пронзила боль: а вдруг уже поздно?!

Долой страхи!

Я перекрестилась широким жестом и, зажмурившись, прыгнула. Приземлилась легко и мягко, словно не на бетон, а на разрыхленную землю. Все. Назад хода нет. «Не вернешься!» – пискнула поверженная осторожность. Я сделала первый шаг, и с губ сорвался пронзительный крик: под ногой оказалось что-то мягкое, дернувшееся под резиновой подошвой. В следующее мгновение тяжелая, как могильная плита, тишина взорвалась воплями, и нечто меховое скользнуло по голой щиколотке.

– Крысы! – заорала я, в ужасе отскакивая.

И уже чуть позже по оглушительному «мяу-уууу!» поняла, что потревожила всего лишь бездомных кошек.

– Чтоб вам... – тихо выругалась я, однако про себя обрадовавшись тому, что «соседки» мои – кошки.

Я вытащила из кармана джинсовых бриджей фонарик и включила его. Луч света выхватил испуганно разбегающихся кошек, затем скользнул по полу – бетонному, но с крупными

земляными проплешинами, разьевшими его подобно кариесу, осветил стены и высокий сводчатый потолок. В этом довольно просторном зале не было ни одного предмета, который бы намекал на предназначение помещения. Бывший цех, склад? Унылое место, нагнетающее нерастойчивые мысли запустение. Я торопливо пересекла зал, освещая путь и стараясь глядеть лишь перед собой, ибо чернота, остающаяся за спиной, пугала. Кто может, помимо кошек, обитать в такой темноте?

Мои страхи.

Паника вновь накатила тошнотой. Я остановилась и зажмурилась, стараясь вызвать в памяти счастливые воспоминания. Теплая ночь, бегущая нам навстречу, мчащимся на мотоцикле со скоростью звездолета. Крепкие объятия. Соленые, пахнущие морем, поцелуи. Мягкий, как мука, и почти не остывший к ночи песок, ласковое нашептывание прибора... Мне стало легче, страх не исчез, но отступил, давая возможность идти вперед.

Я шагнула в дверной проем и оказалась на площадке, с которой круто вверх устремлялась винтовая металлическая лестница. Первые шаги дались почти легко, но потом я споткнулась, и вибрирующий гул от потревоженной ступени разнесся по всему помещению.

– Осторожно! – машинально воскликнула я и иронично усмехнулась: ведь еще каких-то четверть часа назад послала осторожность со всеми ее предупреждениями куда подальше.

Лестница была бесконечной. Преодолевая ступень за ступенью по спирали, я не могла избавиться от ощущения, что оказалась в панцире улитки. Выберусь ли когда-нибудь отсюда? Не знаю.

А за мной по пятам шел мой страх.

Не оглядываться!

Сколько ног топтало эту лестницу в лучшие времена? В этой абсолютной тишине мне вдруг послышался призрачный шелест шагов. Этот звук, напугавший до оцепенения, чуть не заставил меня повернуть назад. Нет-нет, это просто воображение, помноженное на страх! Ну право, кто тут может шуметь, на этой *мертвой* фабрике, ставшей пристанищем для бездомных кошек?! Может быть, днем сюда еще лазают любопытные мальчишки. Но ночью, ночью в старых помещениях никого нет! Только я, кошки и человек, ради которого я сюда пришла.

Лестничный серпантин наконец-то закончился узкой металлической площадкой. Я с облегчением перевела дух и осветила фонариком полуразрушенную деревянную дверь. Открыть ее не представлялось возможным, она, похоже, выросла в пол. Но посреди нее зияла дыра, в которую я и пролезла.

За дверью оказался узкий, напоминающий траншею, коридор, по одну сторону которого располагались маленькие квадратные кабинеты. Возможно, тут находились бухгалтерия, отдел кадров, комнаты руководства... Теперь это была мертвая зона. Даже крысы, похоже, избегали ее. Зловещая тишина, полное одиночество. Я изо всех сил сжала фонарик, испугавшись того, что он выскользнет из взмокнувшей от страха ладони. Луч света безбожно прыгал, выхватывая стены, по которым прямо поверх серого бетона, а местами – и по обнажившейся кирпичной кладке черными змеями тянулись к большим круглым розеткам провода. Я спешно отвела фонарик, и в поле света попала сохранившаяся мебель. Двери некоторых шкафов были распахнуты, и взору представало полуистлевшее содержимое – кипы бумаг, коробки, стопки конторных книг. Засмотревшись на один из таких шкафов, я налетела на стол, выдвинутый прямо на середину комнаты, и случайно смахнула что-то со столешницы. Упавший предмет отозвался стеклянным звоном. Я осветила фонариком пол и увидела фигурку кошки размером с полладони, отлитую из матового белого стекла. От удара голова с изумрудными глазами откололась. Я подняла части осколков и положила на стол.

– Извини, – сказала я разбитой кошке. – Я не нарочно.

Эта комната оказалась последней. Пробежав остаток коридора, я вышла на другую лестничную площадку. И куда теперь – вверх или вниз?

Однажды я играла в игру, действие которой происходило на заброшенном заводе. Ее очень рекомендовал мне муж, но надолго меня не хватило: первый же монстр за первым же поворотом свалил меня. Да и антураж не понравился тем, что напоминал ночные кошмары. Интересно, здесь водятся монстры? Жаббервоги, кракодавы или кто там еще?

Нет. Они водятся в моей фантазии.

А призраки?..

Словно в подтверждение откуда-то сверху донесся скрип и вслед за ним металлическое бряцанье, будто некто пытался разбудить уснувшие десятилетия назад заржавевшие механизмы станков. Спина покрылась холодным потом, и я с трудом удержалась, чтобы не перекреститься.

«На фиг страхи!» – Я попыталась подбодрить себя, но уже мчалась по лестнице вниз. Еще одного серпантина, уводящего все дальше от земли, я бы не выдержала.

Лестница привела меня в огромный зал. Я остановилась и обвела его лучом света. Это, похоже, был цех: высокий арочный потолок, маленькие, подобно бойницам, окна, бетонный пол, кирпичное сооружение в углу, напоминающее печь, и какой-то станок, в темноте похожий на многорукого монстра.

Не успела я сделать первый шаг, как услышала из дальнего угла тихий стон. Сердце отозвалось лихорадочной дробью.

– Эй?.. Это ты? – позвала я.

Неужели, неужели?

К стону прибавился шорох, и я, обрадовавшись тому, что нашла, что успела, бросилась вперед. Под резиновыми подошвами мокасин захрустела стеклянная крошка, и мне подумалось, что, попадись под ноги осколки покрупнее, они рассекут мягкую резину в одночасье, а вместе с мокасинами кирдык настанет и ногам. Откуда тут стекло? Разбитые подростками бутылки?

– Это фабрика стекла, разве не знала? – раздался вдруг за моей спиной свистящий шепот.

Я испуганно оглянулась, и когда луч света выхватил из темноты *это*, закричала от ужаса...

I

«Не лезь не в свое дело. Сунешься – мало не покажется», – предупреждала записка, выуженная мной из почтового ящика. Первая мысль, которая возникла после того, как я увидела листок, – это не мне. Привычки лезть туда, куда не просят, у меня не было, я, напротив, отличалась деликатностью. Излишней, по мнению подруги Арины. Но на конверте стояло мое имя: «Скороходовой Анне».

Я в недоумении повертела записку и, словно надеясь найти что-либо, объясняющее странную угрозу, заглянула в конверт, даже перевернула его и потрясла. Пусто. Пожав плечами, спрятала «письмо» в карман и стала подниматься на четвертый этаж, с трудом волоча тяжелые сумки с продуктами и морщаась от смеси запахов кошачьей мочи, кислых щей и дешевого табака. Этой невыветриваемой вонью, к которой примешивался дух старости, пропитались и стены моей квартиры, не помогало даже то, что окна целый день оставались открыты нараспашку.

«Только ремонт», – вздохнула я, понимая, что пока не могу его затевать. Не столько из финансовых соображений, сколько из-за нежелания ввязываться в новые хлопоты. Совсем недавно закончился мой бракоразводный процесс, выжавший из меня все силы и эмоции, и сейчас мне хотелось только покоя. Одиночество тоже входило в реабилитационную программу после событий, перетряхнувших мою жизнь, будто коробку с домино. Я игнорировала звонки приятельниц, делая исключение лишь для Арины. Не то чтобы воспоминания о бывшем муже вызвали боль, нет, напротив, с поставленными в бракоразводных документах подписями пришло исцеление, но я еще не была готова делиться с миром последними событиями. К счастью, работа у меня надомная – письменные переводы, так что я вполне могла позволить себе такую драгоценную душевно-восстановительную процедуру, как затворничество.

Я вошла в квартиру, приласкала выбежавшую навстречу трехцветную кошку Дусю, сняла сандалии и отправилась на кухню. Воодрузив на старый стол пакеты, принялась разбирать покупки. *«Не лезь не в свое дело...»* – слова из записки оказались прилипчивыми, как попсовый мотивчик, растиражированный радиостанциями. И чем больше я о них думала, тем сильнее становилось подозрение, что письмо – отголосок недавнего развода, во время которого угрозы поступали и от бывшего мужа, и от его новой пассии. Причиной войны стала трехкомнатная квартира в новостройке, которую Константин (во время развода уютное и ласковое «Костя» ушло, уступив место холодному официальному имени) отказывался разменивать. Жилье было куплено и нашими общими усилиями, и с помощью родных с обеих сторон. При разводе совместно нажитое имущество надлежало делить, но у Константина были свои связи в юридическом мире, поэтому он задался целью лишить меня части квартиры. Но, видимо, даже с его связями достичь желаемого оказалось не так просто, поэтому Костя опустил до банальных угроз. Какое-то время мне даже пришлось жить у Арины, благо в тот период подруга находилась в промежуточной стадии между закончившимися романтическими отношениями и еще не завязавшимися новыми.

Сейчас, выкладывая продукты в пuzатый холодильник «ЗИЛ», доставшийся от прежней хозяйки, я думала о том, что мой новый адрес знает лишь бывший муж, родители и Арина. Ни родителям, ни подруге запугивать меня нет резона, значит, все опять упирается в Константина.

Я еле удержалась от порыва взять телефон и набрать номер бывшего, чтобы высказать все, что думаю об угрозах, и напомнить, что после драки кулаками не машут.

– Мяуууу! – Дуся будто угадала мои мысли. Она бесшумно приблизилась ко мне, мягко тронула лапкой за щиколотку и, задрав голову, с укоризной глядя на меня. «Ну что ты глупишь, хозяйка? – так и читалось в ее взгляде. – Вот еще, звонить ему – предателю!» Кошка даже возмущенно фыркнула, заставив меня невольно улыбнуться:

– Не буду, Дусечка, ты права.

Кошка замурлыкала: «Пррравильно, прррравильно». И потерлась о мои ноги, требуя угощения.

– Сейчас, Дусенька, сейчас...

В тот момент, когда я выкладывала в кошачью миску паштет, зазвонил мобильный. Арина. Легка на помине!

– Привет, ты дома? – протараторила подруга без разделительных пауз и вопросительной интонации.

«Приветтыдома», – вот так мне послышалось. Арина даже не ставила под сомнение тот факт, что я могу находиться где-то еще.

– Ну а где же мне еще быть? Ты сегодня работаешь на Щелковской?

Подруга занимала должность старшего администратора в сети стоматологических клиник, курировала три клиники, одна из которых находилась на Щелковской. Помнится, когда мы узнали, что моя будущая квартира расположена там же, возликовали обе, потому что теперь у нас появлялась возможность видеться и в будни.

– Угу, – ответила она. – Зайду?

– О чем речь! Пообедаем вместе, я только что из магазина, так что мой холодильник полон. Сейчас сварганю что-нибудь.

– Буду через полчаса! – отчеканила подруга и, прежде чем попрощаться, пообещала, что принесет тортик. Возразить я не успела, потому что Арина уже отключила вызов. Я с сожалением вздохнула, потому что как раз сегодня с утра дала себе слово сесть на диету. По крайней мере, не есть сладкое. Но спорить с Ариной было бесполезно: она считала, что отказывать себе в маленьких радостях – преступление.

К приходу подруги я сварила пельмени и сделала салат из свежих огурцов и помидоров. Арина же, как и обещала, принесла торт, слава богу, не жирный сливочный, а легкий йогуртовый.

– Дура ты, Скороходова, дура... – вздохнула Ариша вместо приветствия, обводя взглядом когда-то розовые, а сейчас уже порядком выцветшие «моющиеся» обои в кубик.

«Дура, какая же ты дура! – причитала подруга в свой первый визит, рассматривая сто лет не беленный, весь в бурых пятнах потолок моего нового жилища, и брезгливо морщась от отвратительного запаха. – Как ты могла позволить Константину так вытереть о тебя ноги?»

Развод закончился-таки разменом «трешки». Бывший муж переехал со своей пассией в двухкомнатную отремонтированную квартиру в хорошем районе, мне же досталась «однушка», напоминающая каморку папы Карло, в хрущевке на загазованной Щелковской. К счастью, пятиэтажка, в которой я поселилась, находилась не на первой линии, а пряталась в глубине зеленых дворов, поэтому воздух оказался относительно чистым – если сравнивать его с тем, которым дышали жители домов, расположенных вдоль дороги. Квартира, в которой до меня проживала какая-то старушка, не видела ремонта как минимум лет двадцать. Обои выцвели и кое-где протерлись до дыр, сантехника проржавела, жир безнадежно въелся в кухонную мебель. Наследник старушки после ее смерти выставил квартиру на продажу в том виде, в каком она ему и досталась.

«Да это ты должна была въехать в «двушку» с евроремонтом, а он со своей кралей – в этот сарай!» – кричала в тот визит подруга.

«Арина, главное, у меня есть квартира. А могло бы и не быть», – ответила я ей тогда.

– Ты пришла критиковать мое скромное жилище и в очередной раз указывать на ошибки? – хмуро осведомилась я сейчас, складывая на груди руки и наблюдая за тем, как подруга, вдоволь налюбовавшись на рыжие разводы на потолке, принялась расстегивать ремешки новых босоножек.

– Нет. Но все же не понимаю, как ты могла...

– Старая песня, смени пластинку, Арин, – поморщилась я.

– Старая, не старая, но мне не нравится эта квартира, – заявила подруга. – Не нравится и в смысле энергетики. Почистить бы ее.

Арина немного увлекалась эзотерикой: раскладывала карты Таро, читала тематические форумы, верила в сглаз и порчу и как-то ходила к женщине, умеющей предсказывать будущее. Я же всегда скептически относилась к подобным вещам, хоть подруга периодически и старалась склонить меня к своему увлечению. Сейчас вот она вбила в голову, что квартира – «нехорошая». Так что стоит приготовиться отбивать не одну атаку. В ответ на ее реплику я хотела сыронизировать, что только тем и занимаюсь, что пытаюсь навести здесь чистоту, но сдержалась.

– Конечно, можно пригласить и батюшку, – рассуждала тем временем подруга, – но лучше одного моего знакомого, он в этом деле...

– Арина! Никого я приглашать не собираюсь.

Арина поджала губы и покачала головой, осуждая мое пренебрежительное отношение к ее советам. Я же просто улыбнулась, закрывая тему, и сделала приглашающий жест в сторону кухни.

– Проходи, там уже все готово.

Я вернулась на кухню, а из коридора послышались причитания уже над судьбой несчастной кошки, которую заставили жить в такой «конуре». «Бедняжечка!» – разве что не голосила Арина и, судя по Дусиному мяуканью, нещадно тискала кошку. «Сиротинушка...» – услышав это, я фыркнула от смеха. Ну это уж слишком!

– Арина, оставь бедную кошку в покое, иначе зацелуешь ее до смерти и сиротинушкой оставишь меня!

– Гринписа на тебя нет, – выдохнула подруга и наконец-то объявилась на кухне. – Ладно уж сама переехала в этот сарай, так почто зверюшку сюда привезла?

– А куда мне ее было девать? – изумилась я. – На улицу? Или оставить этому... Бывшему и его «кукле Барби»? Так им Дуся не нужна!

– Мне отдать! – припечатала Арина, уже давно сходявшая с ума по моей кошке.

– Вот еще! Раз ты так кошек любишь, почему свою не заведешь?

– У меня все бойфренды, как на подбор, страдают аллергией на шерсть, – удрученно вздохнула подруга. – Да и я, как ты знаешь, все время в разъездах по работе, приезжаю поздно. Заведу кошку, так она и будет, бедняжечка, целый день одна сидеть.

– Ну вот, а Дусю забрать хочешь... Логика у тебя, как у блондинки, – съехидничала я, отомстив тем самым подруге за «дуру».

– А я и есть блондинка, – проворчала Арина, наматывая на палец пшеничную прядь.

Я промолчала и, отвернувшись к плите, принялась накладывать в глубокую тарелку пельмени.

Подруга, приняюхиваясь, шмыгнула носом.

– Чем будешь угощать? – спросила она, вытягивая шею в желании рассмотреть содержимое кастрюли.

– Пельменями. Пойдет?

– Пойдет. Я голодная как волк! Клади сразу штук двадцать!

Я незаметно для подруги усмехнулась и добавила в тарелку тридцатую пельмешку: съест и не заметит как! Двадцать пельменей для нее – ничто. Ариному аппетиту позавидовал бы и здоровый, проголодавшийся после рабочей смены мужик. Но самое удивительное, что ни сладкое, ни мучное, ни жирное, поглощаемое Ариной в неприличных количествах, никак не отражалось на ее фигуре. Подруга оставалась тонкой, как березка. Чудо!

Вот и сейчас она умяла все тридцать пельменей с такой скоростью, что я и глазом моргнуть не успела, доела сметану из пиалы, выцепила из салатницы последнюю дольку помидора и с намеком посмотрела на холодильник, в котором ожидал своей очереди торт.

Я, не сдержавшись, усмехнулась: сколько помню Арину, а знаю я ее с первого класса, она всегда любила покушать.

– Арина, тебя побоятся замуж брать с таким аппетитом!

– А вот и ошибаешься! Моих кавалеров, наоборот, привлекает то, что я не сижу на диетах. Мужчины, знаешь, устали от девиц, способных весь вечер пережевывать единственный салатный листочек и запивать его минералкой. Это ведь ненормально! Один из бойфрендов так и сказал, что смотреть на меня, когда я ем, сплошное удовольствие. Кстати, с Санечкой я рассталась – занудный он до ужаса! Но за мной теперь ухаживает Потап.

Я, услышав имя нового кавалера подруги, усмехнулась: так и представился неуклюжий, косолапый, будто мишка, увалень, дышащий высокой Арине в пупок. Потап!

– Зря смеешься! Ты его не видела! Начинаящий актер, красив, как картинка...

И далее последовал короткий, минут на сорок, рассказ о том, как Арина познакомилась со своим актером, сколько у них было свиданий, куда они ходили, о чем говорили, что ели. Я молча кивала, слушая ее щебетание, подливала чай, отрезала новые куски торта, которые Арина съедала с таким аппетитом, будто и не умяла перед этим тридцать пельменей, закусывая их салатом. А сама продолжала думать об анонимной записке.

Возможно, я бы не отнеслась к ней с таким вниманием, выбросила бы и через минуту забыла, если бы не увидела накануне знакомый с детства кошмар. Моя персональная примета никогда не подводила: сон, в котором я бегала по цехам и лестницам заброшенной фабрики, предвещал неприятности. К гадалке не ходи. Жаль только, что нельзя было предсказать их силу и угадать, с какой стороны их ждать. Иногда мне везло и все сводилось к мелким житейским пакостям вроде уроненного в лужу белого плаща. К счастью, чаще всего так и случалось. Но бывало, что жизнь не удовлетворялась легкими щипками и оплеухами и подставляла подножку. Такую, как три месяца назад.

В тот раз я обнаружила своего мужа, якобы находящегося в командировке, обедающим в ресторане в обществе «Барби».

Ничто не предвещало обмана: Костя до последнего вел себя со мной безупречно. Или я, слепая от любви, не замечала знаков, сигнализирующих о том, что наша семейная жизнь съехала не на те рельсы и полным ходом мчится в тупик? Возможно. Но как бы там ни было, в тот момент, когда я увидела своего мужа – любимого и, как думала, любящего, – целующего в надутые губы чужую тетку, мне показалось, будто меня столкнули с вышки без парашюта.

Когда во время развода летели купола воздвигнутых, казалось, на веки вечные храмов, я, признаться, решила, что меня пришибет одной из падающих глыб. Это уже потом, кое-как поднявшись на нетвердые ноги, отряхнув от дорожной пыли колени и поплевав на ссаженные ладони, я поняла, что выживу и с обломанными крыльями и, может быть, еще когда-нибудь взлечу. Что катастрофа не носит вселенского масштаба, как решила я поначалу с перепугу, а является лишь переворотом в моем маленьком мирке: старые ценности свергнуты во имя строительства новых. Но мне нужно было принять другую жизнь и взять в руки штурвал. Ведь я, пять лет проживя за спиной мужа, отвыкла управлять жизнью и в чем-то перестала быть собой: не принимала решения самостоятельно, а в выборе чего-либо оглядывалась на желания Константина, частенько в ущерб собственным вкусам. В первые дни после развода я была подобна человеку с атрофированными от долгого лежания на койке мышцами: каждый шаг давался мне с великим трудом, я спотыкалась и падала. Теперь мне предстояло в короткие сроки научиться быть самостоятельной. Я чувствовала себя взрослой теткой, которую вдруг отправили в первый класс изучать азбуку. Но я действительно забыла «буквы» и разучилась складывать слоги в слова!

И вот сейчас, когда я только-только отошла от состояния, вызванного разводом, вновь увидела этот сон. Но теперь кошмар снился мне аж три ночи подряд. Отсыпется ли мне неприятностей в тройном размере, по сравнению с чем измена мужа, развод с дележом имущества, угрозами и запугиваниями покажутся детским лепетом?

– Что с тобой? – вклинился в мои мысли тревожный голос подруги.

Я сморгнула и виновато улыбнулась:

– Прости, отвлеклась...

– Ты так скривилась, будто услышала нечто из рук вон выходящее, а я всего лишь сказала, что Потап младше меня на три года. Тебе это показалось таким ужасным?

– Нет, конечно, нет! Я вообще... не о Потапе думала. Извини. Вот, смотри сама, – я вытащила из кармана записку и сунула ее Арине. Подруга аккуратно вытерла испачканные кремом пальчики о бумажную салфетку и взяла протянутый листок.

– И что это значит? – нахмурившись, спросила она совсем другим тоном, из которого исчезли обманчивые легкомысленные нотки.

Я рассказала, как получила записку.

– Твой бывший! – припечатала подруга. – Или его мымра! Все никак тебя в покое не оставят! Говорила же – заяви на них! Вот они...

– Погоди, Ариш, – перебила я. – Ты действительно думаешь, что записку мне прислал Константин?

– Ну а кто же! – фыркнула она и вновь повела плечом. – Если не он, то его подруга.

– Эта записка адресована Анне Скороходовой. Скороходова – моя девичья фамилия, после замужества я, как ты знаешь, взяла фамилию Кости – Дронова...

– И что ты хочешь этим сказать? – пожала плечами Арина. – Твой бывший прекрасно осведомлен, что ты теперь вновь Скороходова. Кто же, как не он! К тому же в эту квартиру ты заселилась совсем недавно, новый адрес знаем лишь я и Константин.

– Еще родители, – уточнила я.

– Еще родители, но им незачем писать тебе такие записки! И мне, кстати, тоже. Подруга озвучила то, о чем недавно думала и я.

– Ясно, – кивнула я, забирая из рук Арины листок. – Спасибо, ты подтвердила мои догадки.

– И что ты собираешься делать с этим? – воинственно спросила подруга, кивая на записку.

– Ничего. Выброшу.

– То есть как «ничего»? – опешила Арина. – Анна, ты просто образец жертвенности, добродетели и наивности! Нельзя быть такой! Не надо закрывать глаза на причиняемые тебе неприятности и неудобства! Хватит того, что твой бывший этим очень хорошо пользовался. Нужно покончить с угрозами, иначе он так и будет тебя преследовать! А потом...

– Ладно, поняла, – прервала я подругу. – Только с Константином я разберусь сама.

– Ну как хочешь. Только потом не жалуйся на выходки Кости и его подруги. Замок в двери, кстати, поменяла?

Я с улыбкой, уже предчувствуя реакцию подруги, покачала головой.

– Я так и знала! – взорвалась Арина. – И как тебя не ругать за безалаберность! Осторожный человек сделал бы это первым делом. Мало ли что! Твой замок можно скрепкой открыть! Дождешься, влезут к тебе.

– Да у меня и брать нечего, – робко возразила я.

Только Арина уже не слышала:

– И квартиру «чистить» не хочешь. А ведь в ней до тебя жила старуха, которая долго болела и умерла тут. Брр... Я бы не смогла так, как ты – жить спокойно в неочищенной от чужой энергетики квартире. Ладно, ладно, умолкаю, – осеклась она, перехватив мой взгляд.

Посмотрев на серебристые часики на тонком запястье, Арина вздохнула:

– Заболталась... А мне еще в Алтуфьево ехать. Владелец клиник, похоже, задался целью собрать в коллекцию все конечные станции метро. Мотайся теперь целыми днями по окраинам Москвы... Одна радость – ты поселилась на Щелковской.

– Заходи на обед каждый раз, как будешь тут, – великодушно пригласила я.

И Арина рассмеялась:

– Я же тебя объем!

– Про твой аппетит знаю не понаслышке, так что меня им уже не удивишь.

– Ладно, спасибо за приглашение. И за обед тоже.

Арина поднялась из-за стола, потискала на прощание Дусю и отправилась в коридор.

– Анна, не допускай того, чтобы Костик и его подруга вмешивались в твою жизнь! – сказала она уже после того, как застегнула ремешки босоножек.

– Не допущу, не допущу, успокойся.

– И замок! Замок не забудь поменять! – прокричала Арина уже с лестничной площадки.

Я завершила ее и в этом.

После того как подруга все-таки ушла, я неторопливо вымыла посуду под звучащие из наушников моего ай-пода песни «Café Quijano» и Хоакина Сабина. Находясь в расстроенных чувствах или тревожась, я в качестве терапии слушала песни на испанском. К этому певучему языку у меня была особая любовь.

Покончив с мытьем посуды, я подмела пол, затем загрузила стиральную машину и принялась вытирать пыль с мебели в комнате. Домашние дела успокаивали, наполняли уверенностью в том, что все будет хорошо. Ветер врывается в распахнутые настежь окна, перелистывает оставленные на столе бумаги, не разлетающиеся только потому, что они были с одного конца придавлены толстым русско-английским словарем. Застоявшаяся кислая вонь уходила, прогоняемая сквозняком, и помещение наполнялось другими запахами – нагретого июльским солнцем асфальта, сухой травы, жареной рыбы, приготовляемой кем-то из соседей на обед. Летний запах вкупе со звучащими в наушниках песнях на испанском вызвал ностальгию. Последний раз я ездила в Испанию вместе с Костей три года назад. И это было счастливое путешествие. Мы состояли в браке чуть меньше двух лет и еще не успели пресытиться друг другом. Наши отношения были острыми, будто чилийский перец, горячими, как нагретый полуденным южным солнцем песок, темпераментными, как фламенко, и одновременно нежными.

Увы, это было так давно, словно в позапрошлой жизни...

Я вздохнула, вытащила из ушей наушники, включила компьютер и завязала в хвост распущенные по плечам волосы. К вечеру мне нужно перевести две статьи: одну с английского – о медицинском препарате, и другую, уже с немецкого, – экономической тематики. Иногда мне попадались заказы на перевод с испанского, но гораздо реже.

Работу свою я любила. Погружение в мир иностранных слов и выражений было подобно путешествию – не только географическому, но и по разным отраслям наук: статьи мне присылали различной тематики – от обзоров моды до юридических бумаг. Так что я не знала заранее, куда мне достанется билет, и словно участвовала в акции «Фортуна» от туристических агентств, по которой лишь на месте узнаешь, что за городок тебе выпадет и в каком отеле тебя поселят. Но не только непредсказуемостью были интересны эти «путешествия». Из каждого я извлекала для себя что-то полезное.

Раньше, когда я была штатным переводчиком в бюро, мои заказы в основном составляла документация – переводы дипломов, справок, свидетельств о рождении и браке. Абсолютно лишенный творчества механический труд – загнать сухой официальный текст в готовые шаблоны. Моя работа в тот период из-за этой «механичности», стандартов и скорости, которую нам задавали, напоминала труд на заводском конвейере. Мы, штатные переводчики, сидевшие в маленькой душной комнатке бюро, будто участвовали в советских производственных сорев-

нованиях – кто переведет больше справок за отведенный срок. Два года назад я ушла с работы и занялась переводами на дому. Многие заказчики, которые прибегали к моим услугам через контору, теперь работали со мной напрямую, рекомендовали меня другим, и моя персональная клиентская база росла. Но с бюро я не прекратила отношений. Так как я была там на хорошем счету – переводила быстро и грамотно, мне до сих пор присылали задания. Только теперь это были не стандартные скучные документы – «текучка», а статьи, многостраничные договоры, инструкции и прочее. Плюс оплачивали мою работу теперь по другому тарифу. Так что, уйдя из штатных переводчиков, я лишь выиграла.

Закончив переводы, я отправила обе статьи в бюро координатору по заказам и увидела новое письмо. Адресат мне не был знаком, но в теме значилось: «Заказ. Для Анны», поэтому я торопливо щелкнула «мышкой».

Письмо оказалось коротким: клиент, представившийся Петром, спрашивал, не возьму ли я в работу его небольшой заказ? Петр ссылался на некого Владислава Короткова (я напрягла память, но не смогла вспомнить заказчика с таким именем), для которого я когда-то переводила справки. Внизу Петр приписал, что требуется перевод небольшого текста с испанского на русский.

Вечер у меня был свободен, к тому же к переводам с испанского я всегда относилась с особым вниманием, поэтому ответила, что с удовольствием возьму заказ, и указала расценки.

«Ок! Сейчас вышлю!» – сообщил мой собеседник.

И действительно, спустя пять минут я получила другое письмо.

«Пусть вас не удивляет столь странный заказ. Он будет оплачен по двойному тарифу. Перевод нужен сегодня», – приписал Петр.

Заказ и в самом деле удивил, с подобным я еще не сталкивалась: в прикрепленном к письму файле оказался не текстовый документ, а... аудиофайл.

«Что это?» – уточнила я, прежде чем запустить присланный файл.

«Это песня. Переведите ее и, пожалуйста, запишите также текст на испанском».

Я отправила лаконичное «ок», скачала песню и, надев наушники, приготовилась набивать слова.

Но меня хватило лишь на запись первой строфы. Позабыв о том, что заказа ожидает клиент, я, прикрыв глаза и абстрагировавшись от текста, вслушивалась в музыку и голос – сильный и гибкий, льющийся легко и живо, словно родниковая вода по расчищенному руслу. На душе становилось светло, будто ее и вправду омыли ключевой водой. Немного освежающей прохлады, немного тепла и света, чуть-чуть грусти по скрытому за облаком солнцу, взрыв радости от пойманного в ладони солнечного зайчика. Солнце, растопленное в кристально чистой воде – вот такое сравнение пришло мне на ум.

Я слушала гитарные переборы, и казалось, что кто-то невидимый ласково касается струн моей души, выдававших раньше незатейливое дилетантское бренчание, а сейчас, под пальцами маэстро, зазвучавших как райская арфа. Эти переборы в сочетании с глубоким голосом пробуждали эмоции, заводили сердце, дробь которого органично вплеталась в барабанные ритмы. Голос, проникнув в душу, ластиком стирал следы старых неудач. Мои мечты – прежние – умирали, и взамен рождались новые, более смелые.

Слушая песню, я вдруг подумала, что она – персональное послание. Потерянный и вновь обретенный шифр к ячейке, в которой хранились забытые ценности. Не знаю, почему мне так показалось...

...Я очнулась внезапно, будто от неожиданно сморившего сна. Открыла глаза и заморгала от света, показавшегося излишне ярким. В наушниках уже давно была тишина, а незнакомый голос в оправе гитарных переборов продолжал звучать только в моей душе, пуская корни в сердце.

Что это было? Что за странное наваждение? Я потрясла головой и, сдергивая наушники, усмехнулась. Ну что я, право, как маленькая... «Персональный шифр», «ключ от ячейки с ценностями»... Я всегда была равнодушна к испанским песням и сейчас, услышав одну из них, очаровалась мелодией и приятным голосом. И только.

Напомнив себе, что заказа ожидают, вновь надела наушники и, в этот раз стараясь абстрагироваться от исполнения и сосредоточиться на словах, принялась быстро набирать текст.

Он был простым, без каких-либо сложных метафор, теряющих в переводе свой смысл и требовавших художественной обработки, но интересным. Невольно на ум пришло сравнение с творчеством Хоакина Сабина, хоть на первый взгляд между песнями знаменитого певца и неизвестного общего обнаруживалось мало: не были похожи ни голоса, ни музыка, ни тексты. Разве что песня неизвестной группы, как и у Хоакина, оказалась положенной на музыку историей.

Я записала весь текст. К счастью, произношение исполнителя было четким. В песне рассказывалось о том, как два брата, неразлучные, как близнецы, стали смертными врагами из-за одной красавицы.

*Dos hermanos, cautivados
por los ojos de una mujer,
acabaron enfrentados
por un mismo querer.*

*Два брата, плененные
Глазами одной женщины,
Восстали друг против друга
Из-за любви.*

В припеве воспевались зеленые, как у кошки, глаза девушки, красота которых разрушила крепкие братские отношения. Дальше же история повествовала о том, как братья долго соперничали за любовь красавицы, пока один из них, младший, не завоевал ее. Но история не заканчивалась счастливо:

*Por el amor de esa mujer
un hermano al otro mató,
y no fue amor, sino magia,
lo que su corazón hechizó.*

*Ради любви этой женщины
Один брат убил другого,
И не любовью, а магией
Было околдовано его сердце.*

В песне не уточнялось, кто из братьев стал убийцей – сыскавший удачу в любви или отвергнутый красавицей. И я решила, что преступление совершил последний. В припеве вновь говорилось о зеленых глазах, которые на этот раз назывались уже не кошачьими, а ведьминскими, приносящими несчастье.

Ох уж эти зеленые глаза... Я поднялась, сделала круг по комнате, вышла в ванную и, прежде чем умыть покрасневшее лицо, бросила взгляд в зеркало.

Внешностью я пошла не в красавицу-маму, которая даже сейчас, на пороге пятидесятилетия, оставалась очень привлекательной. Мамина внешность была кукольной: большие голу-

бые глаза с длиннющими ресницами, маленький аккуратный носик, четко вырисованные губы, не утратившие с возрастом аппетитной пухлости. Черты моего же лица казались слишком резкими, словно вытесанными грубыми торопливыми взмахами, а не любовно вырисованными тонкой кисточкой, как у мамы. К недостаткам я относилась крупный нос. Но все же меня находили привлекательной: кто-то считал мое лицо, лишенное славянской пухлости и мягкости, экзотичным, но большинство сходилось на том, что главным его достоинством являются большие зеленые глаза редкого изумрудного оттенка и отличная кожа. Что касается фигуры: некая склонность к полноте и невысокий рост компенсировались правильными пропорциями и густой копной каштановых кудрей, оттягивающей внимание от неизящного сложения.

Мама с детства внушала мне, что недостатки нужно превращать в достоинства, а достоинства – подчеркивать. Я отшучивалась, что тогда уж точно буду состоять из одних достоинств.

Я плеснула в разгоряченное лицо холодной воды и вернулась в комнату к компьютеру.

Перевод написала быстро, но, уже собираясь отправить письмо заказчику, остановилась. Желание узнать, кто исполняет эту песню, оказалось слишком сильным. Я открыла поисковик и набрала первую строфу песни, потом – вторую и так далее, пока не перебрала весь текст. Ничего не находилось. Значит, остается другой путь, простой – спросить у заказчика.

Я вложила в письмо файл с переводом и ненавязчиво поинтересовалась исполнителем песни.

В ожидании ответа в нарастающем возбуждении нарезала круги по комнате под непонимающим взглядом кошки Дуси. Два раза бросалась к столу, чтобы проверить почту, но ответа все не было и не было. Тогда, чтобы разорвать этот круг, в который я себя сама закольцевала, вышла на кухню, сделала чаю, достала остатки принесенного Ариной торта, проглотила, не ощущая вкуса, маленький кусочек. И, торопливо допив чай, бросилась обратно в комнату.

Есть! Новое письмо! Я нетерпеливо открыла его, пробежала глазами строчки и разочарованно вздохнула. Петр благодарил меня за работу и сообщал, что уже перевел мне деньги за заказ. Мой же вопрос о певце он проигнорировал.

Спать я легла в наушниках, в которых звучала закольцованная испанская песня. Засыпая, подумала, что мне бы очень хотелось увидеть незнакомого человека, чей голос очаровал меня. Хотя бы во сне!

Мне привиделся мужчина тридцати трех – тридцати пяти лет с черными волосами, стянутыми сзади в хвост, невысокого роста и коренастого сложения, одетый в шелковые брюки и свободную яркую рубашу в цыганском стиле, открывающую смуглую грудь с густыми завитками волос. Через плечо у незнакомца был перекинут ремень гитары. Взгляд черных, как безлунная ночь, глаз показался цепким и настороженным, как у хищника, но всего лишь до того момента, когда незнакомец улыбнулся мне. Улыбка смягчала резкие черты его лица – красивого и... опасного.

Когда я, на что-то отвлекшись, повторно взглянула на мужчину, вдруг поняла, что вместо шелковых брюк на нем – застиранные джинсы, гитара исчезла, а цыганская рубаша сменилась майкой, открывающей смуглые накачанные плечи, на одном из которых красовалась татуировка в виде пантеры. «Пойдем?» – Незнакомец протянул мне руку, сопровождая жест располагающей улыбкой. Я, поначалу оробевшая, приободрилась и доверчиво вложила свою ладонь в его. Пальцы у незнакомца оказались холодными и цепкими, они сомкнулись на моем запястье, будто браслет наручника. Я испуганно подняла голову, надеясь увидеть успокаивающую улыбку, но вместо этого наткнулась на хищный взгляд. Секунда – и на губах незнакомца вновь заиграла улыбка. «Доверься мне». Пантера на его плече вдруг выгнула спину, но мгновение спустя вновь свернулась мирным клубком, словно ласковая кошка.

Рамон, Испания, Сангос, 1929

– Я считаю, что поступил правильно! – в запальчивости воскликнул юноша, смело глядя в выцветшие глаза старой Пепы, уступившей ему по старой привычке самое удобное в ее доме кресло.

Пожилая женщина, слушая Рамона, неодобрительно качала головой, но по морщинистым, обвисшим, как у старого бассета, щекам катились крупные слезы. Ее широкая добрая душа никак не могла принять то, что случилось с ее любимым мальчиком, вынужденным с пеленок. Пепи и не предполагала, что в семье, ставшей ей родной, в которой она верой и правдой служила вот уже третье поколение, может произойти подобное несчастье. Она пришла в семью Сербера еще молодой девушкой – нянькой для новорожденного Луиса, отца Рамона и Хайме. Луиса вырастила, потом и братьев – Рамона с Хайме. И, если бы бог дал, помогала бы в будущем женам Рамона и Хайме ухаживать за их первенцами. Но кто бы мог подумать, что в такой приличной, такой крепкой и дружной семье произойдет раскол? И по чьей вине? По вине девчонки – прислуги в доме, нищей как церковная мышь, не прослужившей у Сербера даже месяца. Старуха поджала сухие морщинистые губы и неодобрительно хмыкнула.

– Пепита, послушай, – взмолился Рамон, складывая на груди руки, – я догадываюсь, о чем ты думаешь. Но не уподобляйся моему отцу, пожалуйста. Ты единственная родная душа, которая у меня осталась. Ты, Пепита, только ты мне теперь и мать, и отец. Неужто тоже отвернешься от меня, вышвырнешь как собаку?

Рамон говорил взволнованно и несколько возвышенно, будто произносил церковную клятву на первом причастии, но голос его дрожал не столько от важности момента, сколько от осознания, что взвалил он на себя непосильную ответственность. И, разговаривая со старой нянькой, он стремился убедить в правильности своего поступка не столько ее, сколько самого себя. Сомнения, будто жучки-древоточцы, уже прогрызли извилистые ходы в его, казалось бы, твердом решении. И если не выправить их сейчас, все рассыплется трухой. Все – это и его жизнь, и жизнь доверившейся ему Аны Марии. Имел ли он право так поступить – в отношении Аны Марии, в отношении матери? В отношении всей семьи? Имел ли право уверять любимую в том, что справится, что все будет хорошо? И даже если старая Пепи поможет им, как быть дальше? На что жить? Он, двадцатилетний сеньорито из состоятельной семьи, до недавнего времени ведущий праздный образ жизни, как и многие парни его возраста и положения, в одну ночь повзрослел на пару десятков лет – благодаря сомнениям. «А ведь у отца на фабрике и совсем мальчишки работают. Лет четырнадцати-шестнадцати. И все они старше и мудрее меня, потому что знают, как заработать на хлеб».

– Рамон, мальчик мой, одумайся. Вернись к родителям, не ломай жизнь и этой молодой девушке! – взмолилась старая Пепи.

Она – эта старуха с высушенным солнцем и возрастом лицом, с покрытой пигментными пятнами кожей, первая принявшая его, новорожденного, на руки – безошибочно умела читать мысли. Не обманешь ее. За наигранно бодрым тоном Пепи давно научилась слышать его истинное настроение.

– Нет! – упрямо возразил молодой человек. – Нет.

Он даже, зажмурив глаза и стиснув зубы, замотал головой – как делал в детстве, когда наотрез отказывался выполнять чье-то указание.

– Рамон...

– Я уже не ребенок, Пепи, – излишне грубо отрезал он, – а взрослый мужчина! Я взял на себя ответственность за Ану Марию, я порвал с семьей ради нее, отказался не только от отца, матери и брата, но и от любой их помощи. Я не уподобился моему брату-предателю, который выбрал нагретое местечко и деньги взамен живого тепла любящего сердца. Он клялся Ане Марии в любви, но все его клятвы и гроша не стоят, раз он, не колеблясь, предал любовь ради того, чтобы отец не лишил его наследства. Я не такой! Я докажу родителям, что моя любовь – серьезная, а не проходящее мальчишеское увлечение!

На глаза навернулись слезы, но Рамон говорил, не замечая их. Он всматривался в печальное лицо няньки, но видел перед собой юное личико красавицы Аны Марии: ее глаза редкого изумрудного оттенка, большие, с приподнятыми уголками, «кошачьи», вспоминал бархатистую и нежную, словно персик, кожу с натуральным свежим румянцем, развевающиеся на ветру длинные волосы. Когда на душе становилось плохо, грусть одолевала или ярость, Рамон вспоминал тот день, когда впервые увидел Ану Марию, и солнце вновь возвращалось в его мир, души касался теплый луч, и грусть таяла, подобно снегу.

Она появилась в их доме по рекомендации жены управляющего на фабрике. Восемнадцатилетняя Ана Мария родом была из Галисии и в Каталонию приехала на заработки, надеясь, что ее тетка – та самая жена управляющего – порекомендует ее в качестве домработницы в приличный дом. Так и случилось: Ану Марию взяли в семью фабриканта.

Рамон Сербера спускался по лестнице в гостиную, когда Ана Мария перешагнула порог их дома – робкая, тоненькая, нежная, как лилия. Взгляд зеленых глаз – в пол. Робкая улыбка, чужой, но показавшийся милым акцент.

– О, какой дивный цветок! – раздался восторженный голос за его спиной.

Это Хайме, старший брат, тоже заметил переминающуюся с ноги на ногу девушку.

Как вышло, что они – два брата, неразлучные, словно сямские близнецы, ни разу всерьез не повздорившие, стали врагами, соперничая за сердце юной домработницы?

Долгое время Ана Мария дичилась и избегала общества молодых хозяев, но постепенно стала проявлять свой интерес – к Рамону, не к Хайме. Робкие улыбки, взгляды из-под смоляных ресниц, уроненные платки (как в старину!). Рамон летал, Хайме злился, задирали девушку и младшего брата, строил козни и, наконец, поспособствовал тому, чтобы о тайных отношениях Рамона с домработницей стало известно родителям. Скандал! Отец потребовал, чтобы оба сына прекратили общение с «развязной нищей служанкой». Девушка была уволена в тот же вечер. Но Рамон и Хайме, сделав вид, что вняли требованиям отца, продолжили тайно навещать любимую, временно вернувшуюся к своей тетке.

Вскоре отцу стало известно, что оба его сына, так и не помирившись, соперничают за сердце уволенной служанки. Более того, оба желали обручиться с девушкой. Неслыханно: ввести в их состоятельную семью простушку – дочь галисийского рыбака и собирательницы моллюсков! Возмутительно! Отец решил дело своим способом: объявил, что того сына, который не одумается, лишит наследства, а это без малого половина фабрики и часть дома. Старший сын не стал шутить с гневом отца, а Рамон в запальчивости заявил, что настоящая любовь не покупается и не продается за монеты.

– Идешь против отца? Против семьи? – взревел Луис.

– Сынок, одумайся, – бросилась к нему мать. – Послушай отца...

Она протянула к нему руки, чтобы обнять, но Рамон невольно сделал шаг назад. Мать так и осталась стоять с поднятыми руками и растерянностью в глазах.

– Променял мать на эту... – и отец выплюнул оскорбительное слово.

Это решило исход дела.

– Не смей так говорить о ней! Не смей оскорблять Ану Марию! – закричал Рамон, багровея лицом и отмахиваясь от пытавшейся остановить его матери. – Я женюсь на ней! Завтра же! И вам придется принять это!

– В таком случае ты остаешься без дома и фабрики. И тебе придется принять это, – припечатал отец. Его голос хоть и звучал строго, но лицо выдавало внутреннюю борьбу: ведь он практически выгонял любимого сына, отказываясь от него. Не такого конца хотел Луис, не такого! Но... Рамон не привык к самостоятельности. Помыкается, поскитается да и вернется в родительский дом, прощения попросит.

– Луис! – бросилась теперь уже к мужу мать.

– А тебе я запрещаю помогать ему! Категорически! Говорит, что уже не мальчишка, так пусть и учится обеспечивать себе жизнь, как мужчина!

Рамон развернулся и вышел. Больше у него не было родителей и дома. У него остались лишь Ана Мария и старая нянька.

Дом няньки стоял в том же поселке, что и семьи Сербера, напротив фабрики. Муж Пепы давно умер, своих детей не было, поэтому жила старуха одна.

– Пепи, прошу тебя только приютить нас на первое время...

– Оставайтесь столько, сколько вам будет нужно, – тихо сказала старая нянька, разводя сухие руки будто для того, чтобы окинуть гостеприимным жестом жилье, но на самом деле, чтобы принять в объятия своего мальчика, столкнувшегося с первой серьезной проблемой.

И Рамон бросился к ней, прижал к себе крепко-крепко и, уже не сдерживая слез, прошептал:

– Спасибо... мама.

II

Вчерашняя песня вплелась не только в мои мысли, она доверчиво втерлась в сны и извратила их до абсурда. Такого предательства от песни, понравившейся мне с первых нот, я не ожидала. Будто обнаружила, что аромат очаровавшего меня своей красотой цветка ядовит.

Вначале я долго балансировала между сном и реальностью, то погружаясь в рваную, расползающуюся, словно полуистлевшая ветошь, дрему, то резко выныривая из нее. Меня лихорадило, но не от простуды, а от непонятного нервного возбуждения. А когда я уснула, вновь попала в знакомый кошмар: я шла по территории уснувшей навсегда фабрики, но даже не замечала, что забрела в такое безлюдное место, подчиняясь зову голоса, который заморозил меня накануне. И я следовала за ним, не ведая, что заманивает он в ловушку. Опомнилась уже в дверях какого-то цеха от отчаянного женского крика. Еще шаг – и я бы вышла на освещенный скудным светом лампочки пятак и оказалась бы словно на подмостках. Счастье, что меня остановил этот крик, потому что развернувшаяся перед глазами сцена была ужасна. Я увидела скрюченное на грязном бетонном полу тело, из-под которого разливалась темная лужа, чуть поодаль – стоявшую на коленях темноволосую женщину, прятавшую лицо в ладонях. И невысокого мужчину с ножом в руке, замеревшего над незнакомкой. Никого из этой троицы я не смогла разглядеть подробно, но в памяти зафиксировался нож – обычный кухонный, используемый для разделки мяса, с длинным прямым лезвием с симметрично заостренным с обеих сторон кончиком, с толстой рукояткой из светлого дерева и тремя «заклепками», удерживающими лезвие. Нож как нож, но он внушил мне такой ужас, что я, глядя на капающую с его лезвия кровь, застыла, не в силах пошевелиться. «Беги! Беги, пока тебя не заметили!» – кричал здравый смысл, а я не могла отвести взгляда от окровавленного ножа.

Меня очень вовремя разбудило сердитое шипение Дуси. Я вынырнула из кошмара, будто из затягивающего омута, вспотевшая, тяжело дышащая, с ощущением тяжести и холода в груди. Смена антуража оказалась такой резкой – вот я еще стояла в дверях фабричного цеха, а уже через мгновение перенеслась в собственную комнату, – что мне понадобилось какое-то время для того, чтобы осознать, где я и почему здесь нахожусь.

– Сон... Слава богу, сон! – тихо воскликнула я, прикладывая руку к груди, где лихорадочно колотилось сердце. И, вспомнив о разбудившей меня кошке, огляделась, ища ее взглядом.

Комнату слабо освещал сероватый предутренний свет, пробивающийся сквозь неплотные шторы. Уже можно было разглядеть детали обстановки: шкаф, стоявший в самом дальнем, хуже всего освещенном углу, стол у окна с компьютером и факсом. Вытянув шею, я заглянула в старое кресло, высматривая в нем кошку, но ее там не оказалось.

– Дуся? – позвала я любимицу.

И вновь услышала сердитое шипение. Странно, моя кошка была очень ласковой и миролюбивой. Редко, когда она шипела, разве что на ветеринара, сделавшего ей прививку, да на Костю. Мужчин Дуся недолюбливала, видимо, из-за того, что все еще таила обиду на ветеринара.

– Дуська? – оглянулась я на ее голос и невольно поежилась, увидев, что одна из штор слегка колышится, а моя кошка, задрав распушенный хвост, бросается на нее с испуганным шипением.

– Дуся, ты чего? – уже громче окликнула я кошку и спустила ноги с кровати. Первое, что мне пришло в голову, – сквозняк. Я привыкла спать с приоткрытым окном. Но когда я резким движением откинула штору, увидела, что форточка закрыта.

Кошка тем временем уже отбежала от окна и вспрыгнула в свое любимое кресло. Но продолжала оттуда взирать на штору с молчаливым беспокойством.

– Дусенька, что тебя напугало? – ласково спросила я, беря любимицу на руки.

Бедное животное под моей поглаживающей спинку ладонью вздрагивало, будто до сих пор не могло прийти в себя от страха. Что же так напугало мою кошку?

– Это, наверное, была мышь, – высказала я другое, шитое белыми нитками, предположение, чтобы успокоить не столько животину, сколько себя. Грызуны теоретически могли водиться в этой квартире, ужасно запущенной прежней хозяйкой. А Дуся – домашняя кошка, ни разу в жизни не видела мышей. Может, страх одержал победу над охотничьим инстинктом? Как знать...

«Мне не нравится, какая здесь энергетика», – не к месту вспомнились слова Арины. И по спине вдруг пробежал холодок, заставивший меня поежиться. А вдруг подруга права? А что, если мои сны-кошмары активизировались под влиянием этой квартиры?

Да ну, ерунда какая...

Я с кошкой на руках сходила на кухню, выпила воды, а затем вернулась в постель, взяв к себе Дусю. Понадеялась, что любимица мурлыканьем успокоит меня, прогонит страхи. Но мой следующий сон оказался не менее жутким.

В этом безумном, длившемся долго-долго сновидении я набирала в поисковике строфы из песни, пытаюсь отыскать исполнителя. Но попадала на совсем странные ресурсы: то на форум убийц, где пользователи смаковали подробности совершенных и планируемых преступлений, то на сайт неудачников, потерпевших крах в любви. Это сообщество напоминало общество анонимных алкоголиков тем, что каждый новичок представлялся по стандартной схеме: «Здравствуйте, меня зовут...» Далее упоминались ники – один страннее другого, будто несчастные влюбленные соревновались в вычурности интернет-псевдонима. Только признание «Я выпиваю уже столько-то времени...» заменилась фразой «Я влюблен столько-то месяцев/лет». А далее следовал рассказ о несчастной любви. Обиды, нанесенные возлюбленным/возлюбленной, смаковались с садистским (или мазохистским?) наслаждением. В ответ на каждый рассказ толпа ревела: «Убить! Убить», имея в виду, конечно, обидчиков.

Неожиданно среди этих «анонимных отверженных» я обнаружила бывшего мужа, который... жаловался на меня. По версии Константина, это я его оставила, закрутила роман с другим мужчиной. Толпа и тут была единогласна в приговоре, более того, моему бывшему предлагали различные способы извести меня, один ужасней другого. Меня затошнило, я попыталась закрыть страницу, но компьютер «завис». Я бесполезно тыкала во все кнопки, в сердцах выдернула из розетки шнур, но монитор все не гас, отображая, как и прежде, страницу с проклятиями в моей адрес и пожеланиями ужасной кончины.

Меня опять же разбудила Дуся, которая вспрыгнула мне на грудь и выпустила когти.

– Дуська! – вскричала я, подскакивая на месте и стряхивая с себя кошку.

Та ушла, гордо подняв распушенный хвост, а я, повернувшись на бок, выключила будильник. Хотя до подъема еще оставалось полчаса, засыпать вновь не хотелось.

Новый день, новые дела, новые открытия. Настоящее – точка на системе координат, разделяющая прошлое и будущее. Все будет хорошо, и никак иначе.

Встав с кровати, я по старой привычке первым делом включила компьютер и, пока он загружался, собрала постель. Мебель в комнате была новой, купленной в «Икее». Покупала я ее наспех, словно торопливо утоляла голод подвернувшимся под руку пакетиком чипсов. Выбирала не из-за дизайна, а по размерам – как впишется в крошечную квартиру. У меня просто не было времени на то, чтобы подготовить жилье как следует: ни Арину стеснять не хотелось, ни родителей, у которых я жила уже после того, как съехала от подруги (у той как раз закрутился новый роман). Я купила лишь самое необходимое – кровать, шкаф, компьютерный стол и стол на кухню, стулья и стиральную машину. Кресло, которое облюбовала Дуся, осталось от прежней хозяйки. Оно в отличие от всей остальной мебели и техники было в приличном состоянии, поэтому я не стала его выбрасывать.

Компьютер загрузился, я проверила почту на наличие заказов и, убедившись, что электронный ящик пока пуст, со спокойной душой отправилась в ванную. Заказы в основном начинали поступать после девяти часов – когда открывалось бюро переводов и другие офисы. Я привыкла вставать в восемь, чтобы за час успеть привести себя в порядок, позавтракать, совершить утреннюю прогулку в хлебный, собраться с мыслями и потом уже приступить к работе.

Приняв душ, я вернулась в комнату. Ясное небо сулило чудесную погоду, и я достала из шкафа не привычные джинсы и майку, а платье с развевающейся легкомысленной юбкой. Сделала легкий макияж – немного румян на скулы и пудры на нос. Накормила Дусю и позавтракала сама. И в приподнятом настроении вышла за дверь.

На пороге лежала карта. Карта Таро, символизирующая смерть. От неожиданности я замерла, почему-то не решаясь ее переступить. Затем, собравшись с духом, наклонилась и подняла.

Я не разбиралась в картах Таро, это Арина ими увлекалась. И в первый момент, признать, мне стало не по себе: слишком уж красноречивым «намеком» показался символ. Смерть. *«Не лезь не в свое дело. Сунешься – мало не покажется...»* – вспомнилась вчерашняя угроза. Кто-то продолжал свою гнусную игру. Бывший муж? Его подруга?

В этот раз я не стала церемониться, вытащила мобильный и прямо тут, на площадке, позвонила Константину.

– Еще раз подкинешь мне очередную гадость – заявлю куда следует, – сказала я без приветствий и других вступлений. – Мое ангельское терпение иссякло.

– О чем ты? – удивился бывший муж.

– Ты знаешь. О вчерашней записочке с угрозами и сегодняшнем «привете», оставленном у меня на пороге.

– Анна, у тебя с головой все в порядке? – В голосе Константина слышались раздраженные нотки.

– У меня – да. А вот у тебя, похоже, нет. Костя, не надоело? Детский сад, честное слово!

– Я не подбрасывал тебе никаких записок! Ты мне вообще на фиг не сдалась! – сорвался он на крик.

– Ну, значит, твоя мадам, – не спасовала я. – Уйми ее, а то этим займутся люди в форме.

– Ты мне угрожаешь?!

– Нет, в отличие от тебя предупреждаю.

Я отключила телефон, но не успела сунуть его в карман, как он разразился возмущенной трелью. Константин. Ну да, конечно, он привык к тому, чтобы его слово оставалось последним. Обойдется. Я нажала на сброс и стала спускаться по лестнице. Настроение не то чтобы испортилось, но слегка омрачилось, будто на ясном небе вдруг нарисовалось маленькое облачко.

Все будет хорошо. Облако – это не туча.

Я вышла на улицу и полной грудью вдохнула воздух, слегка отдающий автомобильными выхлопами. Но даже с примесью он показался свежим после подъездной воню.

До ближайшего продуктового магазина было десять минут пешком. Я пошла неторопливо, растягивая время прогулки. А чтобы продлить ее еще, позвонила Арине.

– Представляешь, я опять получила анонимное сообщение, – сказала я после приветствия. – Только на этот раз это было не письмо, а карта Таро, подброшенная на порог.

– Карта Таро? – оживились подруга. – Это женский «почерк». Думаю, что развлекается не сам Константин, а его девушка.

– Возможно. Я Косте уже позвонила, минут пять назад. Он, конечно, все отрицает.

– А ты думала, что признается? – скептически хмыкнула Арина и с жадным любопытством поинтересовалась: – И какую именно карту тебе подложили?

– Карту «Смерть». Тонкий намек? – усмехнулась я.

– Ты ошибочно предполагаешь, что эта карта означает физическую смерть. В зависимости от положения она принимает различные значения. Как эта карта лежала к тебе? Прямо или вверх ногами?

– Арина, ну ты даешь! – рассмеялась я. – Не обратила на это внимание. Подняла, сунула в карман и пошла себе дальше.

– Подняла и сунула в карман? – ахнула подруга. – А вдруг это не просто предупреждение? Вещи могут оставлять на пороге с целью наведения порчи!

– Э, тебя уже понесло! «Порча»...

– Зря смеешься! Все может быть. Ладно, вернемся к карте. Как я тебе уже сказала, она необязательно означает смерть в физическом смысле. Эта карта – символ перемен. Она указывает на полный разрыв с прошлым. «Смерть» можно толковать как отказ от старых идеалов, от прежних действий. Либо, если брать другую интерпретацию, она предупреждает о кардинальных переменах в жизни, конце прежних связей либо переезде.

– Я больше никуда не собираюсь переезжать. Только-только освоилась на новом месте, – невольно повелась я на предсказание Арины.

– погоди, я еще не все сказала, – остановила меня подруга. – В правильном положении карта Таро, символизирующая Смерть, означает большие изменения в жизни человека. Такие перемены могут вызвать боль и чувство потери, но в итоге приводят к началу новой жизни. В перевернутом же виде – временное бездействие, инертность, сон, потерю веры или надежды, сопротивление или страх перед переменами, крушение неких планов. Но как бы там ни было, она влечет за собой перемены.

– Уф... Я хочу только покоя.

– Знаю, знаю. Я лишь толкую значение карты. Кстати, сейчас мне подумалось, что тот, кто подкинул тебе этот сюрприз, как и ты, мог не знать значения карты и купиться на страшную символику.

– Логично, – только и оставалось согласиться мне. – И я думаю о «женском почерке». Константин удивился обвинениям в его адрес вполне искренне.

– Значит, его подруга, – уверенно припечатала Арина. – Кто знает, какие ветра гуляют в ее пластмассовой голове? Может, она боится, что ты решишь вернуть себе это «сокровище» – своего бывшего мужа? И пугает тебя так, в качестве профилактики.

– Глупо!

– А что умного можно ожидать от пустоголовой «Барби»? Жаль, для заявления в полицию недостаточно улик... Что можешь предложить? Записку с угрозами?..

– Карту Таро, Арина! – рассмеялась я.

Мы немного пошутили на тему того, как бы меня встретили в полиции, принеси я им карту Таро, и распрощались.

Я купила хлеба, а в отделе бытовой химии – антибактериальные салфетки, средство для чистки стекол, новую насадку на швабру и две бутылки со средствами для отмывания жира и ржавчины. Я все еще надеялась привести свое жилище в божеский вид, не прибегая к ремонту. На секунду мне представилась картинка: мой бывший муж со своей глянцевой «Барби» заселился в доставшуюся мне запущенную квартиру. Тряпка в наманикюренных пальчиках красотики смотрелась бы чужеродно, но от этого ситуация лишь приобретала пикантность. Вообразив, как эта красотка елозит мокрой тряпкой по жирным поверхностям старых кухонных шкафов, от брезгливости чуть ли не падая в обморок, я пришла в отличное расположение духа. Конечно, такая ситуация возможна лишь в моем воображении, но даже представляя ее, я получила удовольствие и почувствовала себя отомщенной.

Дома я проверила электронный ящик и увидела три заказа: два – из бюро переводов, один – от постоянного клиента. Пробежав глазами присланные файлы, я кратко ответила, под-

тверждая получение, затем сходила на кухню за стаканом апельсинового сока и вернулась за компьютер.

Признаться, я надеялась получить еще одно письмо от Петра. Вдруг он расскажет что-то о группе, исполняющей понравившуюся мне песню? Но нет, заказчик просто заплатил за выполненную работу, и на этом наше общение пришло к концу.

Я завершила перевод к обеду. В тот момент, когда я внимательно перечитывала тексты перед отправкой, меня отвлек звонок мобильного. Не отрывая взгляда от монитора, я протянула руку за телефоном и поднесла его к уху.

– Алло?

– Пеняй на себя, если полезешь туда, куда тебя не просят. Сиди дома и не рыпайся, – услышала я чье-то злое шипение. И сразу – так, что я даже не успела как-либо отреагировать, раздались короткие гудки.

Я отняла мобильный от уха так быстро, словно он вдруг раскалился и обжег меня.

– Что за ерунда? – выдохнула я, клацая кнопками, чтобы посмотреть зафиксировавшийся в памяти номер абонента. Черта с два! «Номер не определен». Вряд ли кто-то додумается угрожать с легко определяющегося номера.

Кто звонил – мужчина или женщина, – я тоже не поняла. Голос явно старались изменить, лишив его сочной гаммы, сведя лишь к сухому, как треск сучьев, безличному шепоту. И все же почему-то интуитивно я чувствовала, что аноним был женского пола. Женский почерк...

Еще были свежи воспоминания о звонках Костиной подруги. Она раздобыла номер моего мобильного, звонила в любое время суток и истерично выкрикивала в трубку различные гадости, начиная от унижительных высказываний о моей внешности и заканчивая обещаниями проклясть. Может, этот анонимный звонок опять же от нее? Правда, девушка Константина любила громкие выступления, шипеть и шептать в трубку было не в ее характере. Хотя кто ее знает...

Не лучше ли сразу прояснить ситуацию? Я решительно взяла телефон и вновь набрала номер Константина. Ответа ожидала спокойно, без бьющегося у горла сердца. Хороший признак.

– Костя, привет! – как можно дружелюбней обратилась я к бывшему мужу, когда он взял трубку.

– Чего на этот раз надо? – хмуро осведомился он.

– Поговорить. По телефону. Не бойся, разговор много времени не займет, – продолжила я вполне миролюбиво.

Костя, похоже, немного расслабился, потому что следующий вопрос задал уже без раздражения:

– О чем?

– Костя, просто честно скажи, ты не звонил мне пять минут назад?

– Зачем? – искренне удивился он.

– Ну мало ли... – продолжала гнуть я свою линию. – Костя, понимаю, в последнее время мы с тобой находились в состоянии войны, но до этого, вспомни, прожили почти пять лет в мире. И неплохо прожили!

– Чего тебе надо? – перебил он меня, вновь насторожившись.

– Да расслабься! – рассмеялась я. – Ничего мне от тебя не надо! Живи себе спокойно. Ответь только на заданный вопрос, и честно.

– Да нет же! Не звонил я тебе.

– И записку в ящик не подбрасывал?

– Какую записку?

– С угрозой.

– На фига мне это надо?

– Ну, совсем недавно ты не пренебрегал неким давлением на меня.

– Я тебе никаких записок не подбрасывал! Ни тогда, ни сейчас! – завелся он.

Видимо, период развода тоже оставил ему неприятные воспоминания. Отрицательной чертой характера Константина было то, что вспыхивал он мгновенно, как спичка. Но, к счастью, и «гас» тоже быстро.

– Костя, я просто хотела убедиться, что это не ты, – ласково ответила я. – Ни ты, ни твоя подруга... ммм...

– Ульяна, – машинально подсказал он. И заговорил уже другим тоном, в котором вдруг зазвучали встревоженные нотки: – погоди, Аня. Говоришь, кто-то тебе угрожает?

– Ну, называть угрозами эти «знаки внимания» слишком громко... Но я то получаю записку в почтовый ящик, то карту Таро с символом Смерти на порог, то анонимный звонок с «просьбой» не лезть не в свое дело.

– И ты первым делом подумала на меня...

– Костя, ну кто еще, кроме тебя, Арины и родителей, знает мой новый адрес? Я никому его не сообщала!

– Это не я, – быстро ответил Константин.

Оттого, что эта фраза была какой-то детской, я невольно улыбнулась.

– И не Ульяна! – бросился он на защиту своей подруги. – На твой счет она уже успокоилась.

– Это приятно. Ладно, Костя, спасибо за откровенность, больше я тебя не потревожу. Надеюсь, что и ты меня тоже.

Мы попрощались, я отложила телефон и улыбнулась: подумалось, что точка в наших отношениях была поставлена не в тот день, когда я застала Костю целующимся в кафе с другой девушкой, и не тогда, когда мы подписали документы о разводе, а сейчас, когда мы вполне мирно поговорили.

Теперь я была уверена в том, что Костя и его Ульяна – ни при чем. Но кто же? И если Костины угрозы я бы не воспринимала всерьез, то сейчас мне стоило быть настороже. Во-первых, я не знаю, кто и почему мне угрожает. Во-вторых, не представляю, насколько опасен этот человек.

Что мы имеем: анониму известны мои имя и фамилия (девичья), адрес и номер мобильного. Круг людей, обладающих этими сведениями, по-прежнему оставался узким: Арина, родители и бывший муж с подругой – и все! Уж не следит ли за мной некто неизвестный?.. Уф, так и до паранойи недалеко. Но, если честно, происходящее меня пока не столько пугало, сколько вызывало любопытство.

«Любопытство кошку сгубило», – вспомнилась мне старая поговорка. Я невольно перевела взгляд на Дусю, которая в это время, распластавшись на полу, лапкой пыталась достать что-то из-под кресла. Видимо, какую-то из своих игрушек. Кошка и так, и эдак подлезала под низкое сиденье, просовывая то одну, то другую лапку, и от усердия разве что не пытела. Похоже, игрушка закатилась далеко. Но в тот момент, когда я встала, чтобы помочь любимице, она наконец-то вытащила из-под кресла желаемый предмет.

– Дусенька, что это у тебя? – спросила я, еще не разглядев ничего, но уже предчувствуя нечто нехорошее. – Дай-ка я посмотрю!

Когда я увидела то, что моя любимица извлекла из-под кресла, то невольно вскрикнула.

Это была небольшая, размером с пол-ладони, фигурка кошки, сделанная из матового стекла. Она присутствовала в одном из недавних кошмаров про заброшенную фабрику. Помнится, я уронила фигурку со стола, и голова с изумрудными глазами откололась.

– Ничего себе! – изумленно воскликнула я, рассматривая статуэтку. Голова у нее была на месте, но шею стеклянной кошки опоясывала трещина.

– Надо же... – прошептала я. – Чертовщина!

Ана Мария. Испания, Сангос, 1932

Ах, какая боль... Ана Мария, еле сдерживая рыдания и не позволяя себе перейти с быстрого шага на бег, пересекла мост, но вместо того, чтобы повернуть к дому, отправилась дальше, к укрытой лесным мехом горе, крепостной стеной огораживавшей часть поселка. Только свернув на витиеватую дорогу, обвивающую гору, подобно елочной гирлянде, она побежала.

Ана Мария знала, что дорога ведет к скале, торчавшей из зеленого меха леса, будто рог. Если смотреть на эту скалу из поселка, с моста через узкую речушку, то можно было ясно увидеть головы двух каменных монстров, оскалившиеся в беззубых улыбках и так тесно прилегавшие друг к другу, что казалось, будто у них один на двоих рот. Ана любила подолгу стоять на мосту, издали любуясь этим двухголовым чудовищем. И даже придумала сказку про него – каменного хозяина леса, оживавшего ночью и бродившего по своим владениям в поисках еды – сухих веток и грибов.

Ана Мария знала, что под торчавшей из горы скалой есть небольшая каменная площадка, с которой весь поселок просматривается как на ладони. Вид с площадки был прекрасен, но мало кто приходил сюда любоваться им. Возможно, из-за неприятных ощущений, которые вызывали нависающие над тобой каменные «головы». Но Ана Мария не боялась. С раннего возраста она питала страсть к камням. Помнится, в детстве, каждый раз, когда ей хотелось побыть в одиночестве, она бежала на скалистый берег океана, прозванный Берегом смерти из-за множества кораблекрушений, случившихся в этих местах. Спустившись между валунами по опасно крутой и узкой тропке, она присаживалась на плоский овальный камень. Это был ее трон, сидя на котором Ана Мария ощущала себя принцессой из подводного царства, вышедшей на берег, чтобы поговорить с ветром. Она рассказывала чайкам свои горести и радости, шептала волнам, пенящимся почти у самых ног, детские секреты, доверяла мечты ветру, протягивала руки к более сдержанному на улыбки, чем в Каталонии, галисийскому солнцу. Ана Мария, будучи ребенком, представляла себе, что ее настоящий отец – не рыболов Франсиско, а седой, вечно сердитый океан. Как это было давно... Скучала она по родной Галисии, по дикому скалистому берегу, по хмурому суровому океану, по родителям и братьям. Как там мама? Все так же готовит по воскресеньям эмпанаду – пирог с начинкой из рыбы или мяса? Ана Мария сейчас и сама неоднократно пекла для любимого Рамона эмпанаду и готовила блюда из галисийской кухни, однако, как ни старалась, не могла воспроизвести тот особый вкус, которым обладала еда, приготовленная мамой. Как там отец? Все так же беспокоят его ревматические боли в натруженных ногах? Как младшие братья?..

Три года прошло с того дня, как Ана Мария покинула родную Галисию и отправилась на заработки в Каталонию. Три года, а будто тридцать три... Но все еще слышался ей по ночам крик чаек и шум океана, снились выкрашенные в яркие цвета рыбацкие лодки, уходящие на промысел, и женщины с подобранными подолами юбок, собирающие моллюсков. А днем ветер подбрасывал ей напоминания в виде запахов рыбы, водорослей, жареных креветок – будто приносил короткие письма с родины. И видела она себя во снах той маленькой девочкой, бегущей на берег Смерти в поисках уединения...

...Эта двухглавая скала в маленьком каталонском поселке не могла заменить ей необъятный дикий берег, но здесь Ана Мария находила уединение. И пусть не хватало ей шума океана, крика чаек и соленых брызг, тающих на губах, это место давало желанное утешение.

Ссутулив плечи, Ана Мария сидела на стволе поваленного дерева, устремив невидящий взгляд на расстилающийся внизу поселок. Ветер ласково гладил ее по волосам, невидимой ладонью стирал со щек слезы, и эти его невесомые прикосновения были подобны материнской ласке. «Не плачь», – шуршали листвой деревья. «Не плачь», – прокричала пролетевшая мимо птица. Чайка! Неожиданная гостья в этом поселке. Ана Марии подумалось, что птица прилетела к ней из далекой Галисии с утешениями от мамы.

– Не буду плакать, – улыбнулась Ана Мария, решительно вытирая щеки и обращаясь к улетевающей чайке. – Не буду. Передай моей маме и отцу, что у нас все хорошо. Рамон меня любит, я его тоже... А деточка... Когда-нибудь будет и у нас.

Если бы бог подарил им с Рамоном долгожданного первенца, о котором они так мечтали! Но нет, месяц проходил за месяцем, а долгожданная беременность не наступала.

Сеньора Исабель, владелица овощной лавки, в которой Ана Мария два раза в неделю покупала свежие овощи и фрукты, конечно, не хотела причинить ей боль своим вопросом, вырвавшимся из любопытства, свойственного жителям маленьких деревень. «Ана, ты не беременна? Что-то ты излишне бледная...» – спросила сегодня сеньора Исабель. Из лучших побуждений, но попала Ане Марии в больное место – словно ткнула ножом в незаживающую рану. «Нет», – тихо прошептала она, почувствовав, как на глаза наворачиваются слезы. «Пора бы уж вам!» – «прикончила» ее сеньора Исабель. Ана Мария молча положила на полку краснотелый помидор и, повернувшись, выбежала из лавки. «Ана, ты куда?» – понеслось ей вслед. Но Ана Мария даже не оглянулась.

– У нас будет ребенок. Будет, будет! – шептала она сейчас, сжимая кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони.

Почти три года они с Рамоном живут в любви и согласии в доме, завещанном им умершей старой Пепой. И все у них есть для счастья – любовь, понимание, крыша над головой, уют и спокойствие. Нет только самого главного – ребенка.

– Твой отец нас проклял, – сказала как-то в приступе отчаяния Ана.

И прикусила язык, увидев, как полыхнули обидой и болью черные глаза мужа.

– Что ты такое говоришь! – закричал Рамон. Но тут же осекся и сник.

– Прости, прости, пожалуйста! – кинулась к нему на шею Ана. Обняла родного, уткнулась носом в шею, вдохнула знакомый запах – миндальную горечь со сливочной сладостью молока, потерлась виском о подбородок мужа.

Отец Рамона умер через год после ссоры с сыном. И, как ни надеялась Ана Мария на то, что свекор оттаит, простит их перед смертью, смирится с тем, что снохой его стала девушка из простых, этого не случилось. Луис исполнил свою угрозу и лишил младшего сына наследства – и жилья, и причитающейся ему половины фабрики. Смерть отца Рамон переживал до сих пор, хоть и не показывал виду. Этой болью он не делился с любимой женой, точно так же, как и она скрывала от него тоску по Галисии.

– Ана, небо мое, тебе не за что просить прощения, – грустно ответил тогда Рамон, обнимая ее тонкое тело сильными руками, еще недавно изнеженными, не знавшими физического труда, а теперь крепкими, с жесткими буграми бицепсов, с вздувавшимися на кистях венами. Ради нее, Аны Марии, пошел он против семьи, отказался от отца, матери и брата, от благ и привилегий жизни обеспеченного человека.

Они выплыли, хоть им обоим и казалось, что утонут в беспокойном море жизни, в которое их так неожиданно столкнули со скалы. Но недаром она, Ана Мария, была дочерью седого и мудрого океана. Любовь, взаимная поддержка, понимание стали их спасительным плотом. Старая Пепя протянула им руку и вытащила на берег. А дальше уже они, отдышавшись, принялись строить новую жизнь, ошибаясь, падая, выбирая неверные тропы, разочаровываясь, но ни на секунду не забывая о том, что их спасительный плот состоит из трех крепких бревен – любви, поддержки и понимания.

Только вот ребеночка не хватало... Рамон утешал жену как мог, ни разу не упрекнул. Но видела Ана, что и в его глазах поселились боль и разочарование.

Они жили в слишком маленьком поселке. Все чаще и чаще в булочных и продуктовых лавках Ану Марию спрашивали о том, почему она не торопится забеременеть. Однажды задала этот вопрос и свекровь, отношения с которой хоть и не наладились, но несколько смягчились после смерти Луиса.

– Когда же вы порадуете меня внуком?! – воскликнула мать Рамона в одну из случайных встреч в мясной лавке.

Ана Мария съезжилась, будто от удара, и, как-то отговорившись, вышла без покупки. Но, уходя, услышала, как мать Рамона сказала мяснику с досадой:

– Женился на бесплодной... Одна надежда на Хайме – на то, что он найдет себе здоровую девушку.

А что, если им с Рамоном поехать в Галисию? Пусть не навсегда, а хотя бы на месяц, к родителям Аны Марии? Любящий муж уступит ей – он сделает все, что угодно, лишь бы его любимая не грустила. Сегодня же вечером она поговорит с ним!

Принятое решение успокоило Ану Марию, так что она сама не заметила, как задремала. И приснился ей странный сон.

Увидела она человека, одетого в черный плащ с накинутым на голову капюшоном. Вышел этот человек из скалы и, протягивая ей руку, полупрозрачную, словно из черного дыма, сказал:

– Послушаешь меня, исполню твое желание. Но чем ты готова мне заплатить?

– Да чем угодно! – воскликнула Ана Мария. – Самое дорогое, что есть, отдам.

– Самое дорогое – это ваша любовь, – произнес черный человек. И хоть она не видела его полускрытого темным капюшоном лица, поняла, что он усмехается. – Готова ли ты принести такую жертву?..

Очнулась Ана Мария от того, что чуть не свалилась в дреме с бревна. Встрепенулась, потерла кулаками глаза, огляделась и улыбнулась: всего лишь сон! Слава богу, сон. Но какой странный! И какое ужасное решение подсказал ей черный человек...

III

Мой старый кошмар, в котором я бегала по заброшенной фабрике, вновь посетил меня. И такая частота пугала и настораживала меня. Я сравнивала себя с человеком, находящимся на маленьком острове и наблюдающим за надвигающейся волной цунами. Как не избежать гибели тому бедняге, так и мне не скрыться от грядущих неприятностей. В таком мрачном настроении от переполняющих меня предчувствий я и позвонила Арине, надеясь получить успокоение. Но подруга отреагировала не так, как мне бы хотелось:

– Не снов надо бояться, а людей.

– Думаешь, мне стоит кого-то бояться? – усмехнулась я, отправляясь на кухню, чтобы налить себе воды.

От ужасной духоты не было спасения. Чуть-чуть прохладней становилось лишь к ночи. И хоть жару я любила и переносила довольно легко, но после месяца аномального пекла в мегаполисе тоже сдалась. Спасалась тем, что стаканами пила ледяную воду.

– Я просто так выразилась, не имея в виду ничего и никого конкретно, – поправилась Арина. – Ведь сны сами по себе не могут причинить неприятности, разве что вызывают беспокойство. Если хочешь знать мое мнение, то я думаю, что твои кошмары сейчас не предвещают ничего плохого, а лишь отражают уже пережитое. Скольких нервов тебе стоил развод!

– Надеюсь, ты права, – рассеянно отозвалась я, возвращаясь в комнату. Допив воду, я поставила пустой стакан на компьютерный стол и сама уселась в Дусино кресло.

– Что там с угрозами, кстати? – поинтересовалась подруга.

– Ничего. Меня больше не беспокоят. Думаю, что некто наигрался и успокоился.

– Некто? – скептически хмыкнула Арина, намекая на моего мужа.

– Это не Константин. И не его подружка. Я разговаривала с Костей – вполне миролюбиво. Он клялся и божился, что они с Ульяной ни при чем.

– Ну-ну...

– Это не он, Арина.

– Ладно, ладно, хорошо, не он. Тогда кто же?

– Какая теперь разница? Главное, что меня оставили в покое.

– Надеюсь, что... – искренне ответила подруга.

Но закончить фразу не успела, так как я испуганно вскрикнула: стоявший на столе пустой стакан вдруг разлетелся на осколки, будто кто-то попал в него из рогатки.

– Что у тебя там случилось? – встревожилась Арина.

– Стакан разбился.

– Упал на пол?

– Да в том-то и дело, что нет. Лопнул. Осколки повсюду, – с огорчением произнесла я, надевая шлепанцы и подходя к столу. Стакана было не жаль, но меня всегда беспокоило то, что при уборке могу пропустить какой-то осколочек, о который легко порезаться.

– Не нравится мне это, – мрачно выдавила подруга. – Нехорошая энергетика в квартире. Вон уже посуда сама по себе бьется!

– Говорят, это к счастью, – засмеялась я.

– Угу, – хмыкнула Арина. – «К счастью». А что, если и кошмары, о которых ты рассказывала, стали сниться тебе чаще из-за плохой энергетики в квартире?

– Ну, понесло тебя... Сама же сказала, что сны – это пережитое прошлое.

– Выкинь из квартиры хотя бы старые вещи! – не унималась Арина.

Я клятвенно заверила подругу, что так и сделаю – немного позже, когда куплю новый холодильник и кресло для Дуси.

Кстати говоря, о старых вещах... Вполне возможно, что фигурка кошки, которую обнаружила Дуся, принадлежала прежней хозяйке квартиры. Никакой мистики, никакого «материализовалась из сна».

– Не откладывай! – продолжала напутствовать Арина. – Я бы на твоём месте квартиру «почистила», потом сделала бы в ней ремонт и уж тогда бы зажила спокойно.

– Не в квартире дело, Арина, – сказала я.

Подруга лишь хмыкнула, выражая несогласие.

Прежде чем попрощаться, мы договорились о встрече во вторник: Арина в этот день вновь работала на Щелковской. После разговора с подругой я позвонила в ЖЭК и попросила прислать мне слесаря сменить старые замки в двери. Мне сообщили, что слесарь придет только в понедельник, но это меня устраивало. Вполне подожду несколько дней. Я не боялась, что кто-то может ко мне влезть: обивка двери – старый, кое-где протертый почти до дыр дермати́н – указывала на то, что живут в этой квартире далеко не богачи. Ценного дома я ничего не хранила: деньги предпочитала держать на карточке, украшения не любила. Самым ценным, пожалуй, являлись далеко не новый компьютер и принтер с факсом. Да еще новая стиральная машинка, но за нее я могла быть спокойна: кому придет в голову переть ее с четвертого этажа? Так что я совершенно не беспокоилась за то, что кто-то заберется в мою «берлогу».

Как оказалось, зря.

Это случилось в воскресенье днем. Я вышла прогуляться, чтобы отдохнуть после работы, с которой не расставалась даже в выходные, и на обратном пути кое-что купить.

Я дошла до метро, спустилась в подземку и проехала до Измайловского парка. Куда уж лучше гулять по аллеям в лесопосадке, чем вдоль шоссе на загазованной Щелковской! Я купила себе эскимо, съела его, сидя на лавочке, а потом, шагая по асфальтированным дорожкам в тени, падающей от широких крон, думала о том, что хорошо бы приобрести велосипед. О том, как возить его со Щелковской в Измайловский парк, если мне вздумается покататься по аллеям, я сейчас не беспокоилась, потому что на данный момент для меня была важна мечта: я уже видела себя пересекающей на новеньком, сверкающем на солнце блестящей рамой, велосипеде по изогнутым, как лекалы, дорожкам лесопосадки.

Нет, что ни говори, но в холостой жизни есть своя прелесть!

Я давно уговаривала Костика купить нам по велосипеду, но муж упирался. Ему куда больше нравилось передвигаться по городу на «Мазде». Даже простаивание в пробках не умаляло его радости автовладельца. К велосипедистам он относился со смесью презрения и раздражения, как к некой помехе на дороге. Подозреваю, что ноги этой нелюбви росли из детства: Костик как-то рассказал, что в семилетнем возрасте его пытались научить езде на двухколесном транспорте, позаимствованном у соседа, и закончилось это травматологией. С тех пор к велосипедам он не подходил. Меня же, наоборот, невозможно заставить выучиться водить машину, я боялась дорог, но вот на велосипеде по парку каталась бы с удовольствием.

На обратном пути я купила для Дуси паштетов и, успев уже соскучиться по моей девочке, быстрым шагом направилась к дому.

Едва я вошла в подъезд, как услышала душераздирающие вопли. Так кричать могла только до полусмерти напуганная кошка. Как мать узнает по звуковым оттенкам плача своего ребенка о его желаниях, так и я понимала Дусю – голодна ли она, просит ли ласки, соскучилась ли, требует ли убрать туалет, выражает ли недовольство. Так что, услышав в подъезде кошачьи вопли, я, невольно сравнив их с Дусиными, поняла, что крик бедного животного вызван страхом. Вторая мысль, которая пришла следом за первой и которая заставила меня бежать на четвертый этаж, перепрыгивая через ступени, – кричит моя Дуся.

Я застала бедную кошку на лестничной площадке, с вытаращенными от ужаса желтыми глазами и распушенным хвостом. Дуся в стремлении попасть в закрытую квартиру расцарапала и без того драную обивку двери.

– Девочка моя, – опустилась я перед кошкой на колени.

Дуся ответила мне гневным «Мяв!» и бросилась ко мне в объятия.

– Это я тебя оставила снаружи?

Очень странно. Во-первых, у Дуси нет вредной привычки высовываться на площадку, когда я открываю дверь. Во-вторых, я точно помню, что в тот момент, когда уходила из дома, кошка спала, свернувшись уютным бубликом в своем любимом кресле.

– Как ты тут оказалась? – спросила я, беря Дусю на руки, и, надавив на дверную ручку, поняла, что дверь не заперта.

Но я точно закрывала ее на ключ!

Так и не войдя в квартиру, я тихонько прикрыла дверь и вытащила мобильный.

– Арина, кто-то проник в мою квартиру, – прошептала я, когда подруга ответила.

– Ка-ак «проник»?

– Вот так и проник.

– Ясно, замок ты так и не сменила, а я тебя предупреждала, – вздохнула подруга. – Ну, рассказывай по порядку, что там случилось.

Я торопливо, все так же шепотом, изложила все, что знала об оставленной на площадке перепуганной Дусе и о незапертой двери.

– Надеюсь, у тебя хватило ума не заходить в квартиру? – обеспокоилась Арина. – Злоумышленник все еще может быть там!

Это я и сама понимала.

– Спустись на улицу и звони в милицию!

– Я не одна, Арина, а с Дусей. Ее что, тоже на улицу?

– А что – в квартиру, в которой все еще может находиться преступник? Я сейчас к тебе приеду.

Возразить я уже не успела, потому что подруга сбросила звонок.

Я потопталась на площадке, не зная, что делать: Дуся нервничала и порывалась выскользнуть из моих рук. Тогда я повернулась к соседской двери и решительно нажала на белую кнопку звонка. Мне открыл мужчина в майке-алкоголичке, спортивных штанах и домашних тапочках. В одной руке у него были очки, в другой – газета. Похоже, я потревожила его во время чтения.

– Добрый день, – поздоровалась я, окидывая быстрым взглядом мощные плечи соседа, рост баскетболиста, внушительные кулаки и грозно топорщащиеся усы. То, что надо!

– Я ваша соседка, – продолжила я под хмурым взглядом мужчины. – Вот из этой квартиры.

– А, новая хозяйка, – отозвался громила неожиданно писклявым голосом. Это было так несовместимо с его внушающей трепет фигурой, что я удивленно вытаращилась на него, будто ожидая, что сейчас из-за его широкой спины покажется маленький человечек – обладатель этого голоса.

– Да, – кивнула я, поспешно маскируя растерянность добродушной улыбкой. – Мне нужна ваша помощь, пожалуйста, уделите мне минуточку...

Дуся на моих руках в знак солидарности мякнула и уставилась на соседа круглыми глазами.

– Твоя кошка, что ли? Она тут орала так, будто ее за хвост подвесили. Ты ее на площадке, что ли, забыла?

– Нет, нет, это не я, – поспешно пробормотала я. – Тут такое дело...

Я кратко, как пять минут назад Арине, рассказала о вторжении и опасливо покосилась на дверь: а вдруг в квартире действительно кто-то есть и сейчас слушает, как я тут договариваюсь с соседом?

– Так в полицию звони! – пропищал мужик.

– А вдруг там никого нет и у меня ничего не взяли? Не накажут ли меня в таком случае за ложный вызов? Вы не могли бы войти в квартиру со мной, чтобы проверить, не остался ли кто в там? Одна я боюсь.

– Небезопасно – одной, – покачал головой сосед.

– Осип, кто там? – послышался из глубины соседской квартиры женский голос, и мгновением позже из-за спины великана выглянула его жена. Женщина внешне оказалась полной противоположностью мужу: маленькой, худенькой, с мелкими и заостренными чертами лица, похожая на мышку-норушку, сходства с которой добавлял будто специально подобранный байковый халат тускло-серого цвета. Зато голос ее звучал зычно, как у командира на плацу.

– Соседка. Помощи попросила. Я, Свет, сейчас на минуточку... Не беспокойся.

Женщина открыла было рот, чтобы вывалить на меня ворох вопросов, но я вежливо ей улыбнулась:

– Я не задержу вашего мужа.

Осип, на какое-то время скрывшийся в своей квартире, уже появился с молотком в руках и кивнул:

– Пошли!

Он открыл дверь моей квартиры и, сунув голову в проем, крикнул:

– Эй! Есть кто живой?

«Или мертвый», – машинально добавила я и содрогнулась. Не хватало еще накаркать! Кошка, до этого сидевшая на моих руках смирно, вдруг вырвалась и, прыгнув на пол, шмыгнула внутрь.

– Дуся! – закричала я испуганно, неосмотрительно бросаясь за ней следом.

– Спокойно, – отстранил меня сосед и смело вошел в квартиру. – Эй, я спрашиваю, есть ли тут кто?

С моего одобрения Осип прошел по всей квартире, заглянул в ванную и туалет, даже – в одежный шкаф, чтобы убедиться, что в нем никто не спрятался. Я шла за его широкой спиной, испуганная, но не настолько, чтобы не выискивать взглядом следы чужого присутствия. И не находила. Ничего не выдавало того, что в квартире побывал посторонний.

– Никого, – повернулся ко мне сосед.

– Да, я вижу, – пробормотала я.

– Может, просто забыла закрыть дверь?

– Может, – покорно согласилась я. Нет смысла уверять мужчину в том, что я отлично помню, что дверь запирала и что Дуся оставалась в квартире. – Скорее всего так и было! Спасибо вам! Неудобно, что побеспокоила...

– Да брось! – махнул ручищей мужчина. – Я ж это, по-соседски. Помочь. Правильно сделала, что сама не сунулась. А если бы кто-то тут прятался? Ну теперь можешь быть спокойна – все чисто. Главное, не забывай в следующий раз дверь запирать!

– Не забуду, – улыбнулась я. – После этого случая уж точно не забуду.

«И замки поменяю», – добавила я про себя.

Когда сосед ушел, я отправилась на поиски кошки и обнаружила ее сидящей на шкафу и взирающей на меня оттуда с видимым беспокойством в желтых глазах.

– Мяу, – пожаловалась она мне.

– Дусенька, я тебе верю. Кто здесь был?

– Мяу-у, – уже с другими интонациями, не жалобными, а несколько агрессивными ответила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.